

Александр Владимирович Голодный
Право на смерть. Ярче тысячи солнц
Серия «Без права на жизнь», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5020380
Голодный А. *Право на смерть. Ярче тысячи солнц*: Яуза, Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-53717-4

Аннотация

Если ты провалился в «перпендикулярный» мир, где Россия стерта с лица земли, а русских лишили даже права на жизнь; если на себе испытал звериную хватку всемирной Британской империи, куда более кровавой и бесчеловечной, чем гитлеровский Рейх; если прошел все круги ада, потеряв все, что любил и во что верил, – значит, у тебя есть ПРАВО НА СМЕРТЬ не только для тех, «кто пришел к нам с мечом», но и для всего их поганого семени! Эта новая «раса господ» не вправе рассчитывать на пощаду. В этой войне на уничтожение нет ни «мирного населения», ни «невинных жертв». Этот проклятый мир должен быть разрушен до основания. И если очистить землю от «высшей расы» может лишь ядерный Армагеддон – да будет так!

Читайте **НОВЫЙ РОМАН** от автора бестселлера «БЕЗ ПРАВА НА ЖИЗНЬ» – фантастический боевик мощностью в тысячу килотонн! Русское Сопротивление наносит ответный удар по оккупантам и карателям! Термоядерный удар – ярче тысячи солнц!

Содержание

Пролог	4
Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Голодный

Право на смерть. Ярче тысячи солнц

Пролог

Память... Сверхъестественный дар Всевышнего, во многом определяющий саму суть человека. Но как иногда хочется забыть то, что заставляет истекать болью сердце, то, что невозможно вернуть и изменить...

Я пришел в этот мир, покинув тело военного инженера, вселившись в оболочку замученного опытами и выброшенного умирать на свалку молодого парня. «Стертый», «дохляк», «Зомбак» – вот с чего пришлось начинать. Опыт прошлой жизни, упорство, помощь друга – братишки Солдата сначала подняли над общей массой заключенных, а потом позволили войти в правящую верхушку свалки-тюрьмы. Странный мир... И страшный. Англия здесь довела до совершенства колониальную политику, поэтому нет государств и стран – есть одна Колониальная Империя. Технические знания даются лишь избранным, а каждый человек носит в себе чип радиометки, определяющий его жизнь. Моя жизнь не планировалась – согласно чипу я мертв.

Сумев бежать, чудом обосновался под чужой личиной в доме, как оказалось, известнейшего предателя бывшей России. Покойного, к счастью. Знакомство с его дочерью Еленой и внучкой Кэт, демонстрация инженерных талантов первоклассной советской школы, создание легенды... В жизни появилась новая женщина – Марджи, занимающая весьма высокий пост начальница ставшей очень близкой к тому моменту Елены. Полученный в награду за смерть паранормальный дар позволил навсегда войти и в ее жизнь.

Нелегал в квадрате, скрывающий истинное лицо и даже фальшивую личину, я не избежал ошибок и захвата. Но открывшаяся устойчивость к действию допросной химии и продуманные действия Марджи кардинально изменили ситуацию, заставив организатора охоты – командира военной базы – принять меня на службу. Параллельно изменился и статус в радиометке RFID – не просто мертвый, а проходящий службу в подразделении военной контрразведки мертвец. Есть что-то символичное в этой издевке судьбы, не правда ли?

Часть первая Воентех

Что делает хреновый командир, когда ему на голову сваливается внезапная задача? Правильно, вызывает подчиненного и полностью перекидывает проблему ему. Поэтому сейчас на меня совершенно ошарашенно смотрит знакомый сержант (тот самый из группы захвата), я с преданным видом демонстрирую немедленную готовность к исполнению приказов. Наконец пазл из продолжительного инструктажа и моей персоны в стриженной военной голове более-менее складывается.

– Рядовой?..

– Сэр сержант, рядовой Серж Росс, сэр!

Вот что значит дать человеку привычную точку опоры. Сержант расправляет плечи, в глазах появляется уверенность.

– Рядовой Росс, с этой минуты я, сержант О’Нилл, твой папа и твоя мама. Ты заключил контракт, поэтому твоя задница на два года принадлежит колониальным вооруженным силам. Понятно?

– Да, сэр!

– А кто для тебя является главным в вооруженных силах, рядовой?

– Сэр сержант, мой командир – вы, сэр!

– Правильно. Вижу, что ты не безнадежен, рядовой. Упор лежа – принять!

Рухнув, исполняю.

– Двадцать раз отжаться, рядовой!

Ну, это мелочь. Четко отжимаюсь, вскакиваю.

– Да, сэр!

На лице сержанта удовлетворение:

– За мной, рядовой.

– Да, сэр, слушаюсь, сэр!

Парикмахерская. Гражданский мастер ловко и привычно укорачивает прическу, тормозит над усиками.

– Усы оставить.

– Как скажете, сэр. Кого-то вы мне напоминаете...

– Питерса. Черный тех.

– Да, сэр, точно!

Страхиваются срезанные волосы, снимается накидка.

– Готово, сэр.

– Благодарю. Отличная работа.

– Спасибо, сэр.

Удивительно, сержант на наличие усов не обратил никакого внимания. Не понял, а почему?

Вещевой склад. Неотличимый от наших прапоров хитрован измеряет параметры, выдает летний комплект формы, нательное белье, легкие берцы, рюкзак, различную мелочь. О, интересно – военная модель кэша. Прочный обрезиненный корпус защитного цвета, дисплей за толстым пластиком, жесткий синтетический чехол. Быстро упаковываю рюкзак, перевязываю шпагатом и подхватываю форму, выхожу.

– Как должен передвигаться солдат колониальных вооруженных сил?

– Бегом, сэр!

– Рядовой, бегом марш!

Это разве бег? М-да, сержант, не нюхал ты наши десять км. Немного мешается форма в руках, болтается рюкзак за спиной (надо было отрегулировать лямки), но скоро оказываемся перед небольшим одноэтажным зданием, расположенным немного в стороне от основных служб. Табличка у входа недвусмысленно сообщает: «Взвод Дельта». Кстати, я ничего не потерял по дороге, а на это явно присутствовал расчет.

– Рядовой, сложить вещи на скамейку. Упор лежа – принять. Двенадцать раз отжаться.

– Да, сэр!

Заходим в здание. Напротив входа стол дежурного. Увидев нас, солдат явно неспешно поднимается:

– Сэр сержант, за время моего дежурства происшествий не случилось. Капитан Фрай арестовал рядового Крайновски, сэр. Был очень раздражен, сержант.

– Крайновски уже переведен в роту охраны, Майкл. Поверь мне – заслуженно переведен. Хорошо, что я успел набить ублюдку морду.

– Ясно. Разрешите спросить, сэр...

– Этот рядовой теперь будет вместо него.

Удивление на лице солдата:

– Хиловат он, сержант.

– Капитан все доведет на построении. Рядовой Росс?

– Да, сэр!

– Здесь теперь твой дом и твоя семья.

– Да, сэр, слушаюсь, сэр!

Широкий коридор – место построения личного состава, сюда же выходят кубрики на два человека, разделенные легкими стенами, рядом с дежурным комната для хранения оружия, на другом конце – туалет, умывальник, душ, взводная каптерка, бытовая комната.

– Вот твоя койка и твой шкафчик, рядовой. Каким должен быть шкафчик?

– Всегда заперт, сэр!

Он явно что-то хочет спросить, но сдерживает себя. Смотрит на часы:

– Ровно через сорок три минуты, рядовой, ты должен стоять в форме напротив дежурного. Ясно?

– Да, сэр! Разрешите выполнять, сэр?

Кивок, сержант выходит. Быстро распаковываю форму, отбираю, что надеть, пулей лечу в бытовую комнату, включаю утюг прогреться. Где-то должно быть... Ага, в шкафчике сложенные куски марли для глажки. Намочить, за формой. Скидываю все гражданское, кроме часов, отправляю в свой шкафчик. Нательное, носки, берцы на себя, камуфляж в руку и назад – гладить.

Точно в указанное время стою по стойке «смирно» (ничем не отличается от вошедшей в привычку за двадцать лет службы нашей) у стола дежурного, полностью соответствуя плакату с образцами внешнего вида военнослужащего за его спиной. В моем отсеке полный порядок, только на тумбочке в крэdle заряжается кэш. Появляется сержант, тщательно инспектирует придирчивым взглядом. Недостатков нет. Выглажено даже кепи, эмблемы из перевернутого (обычный прикол для новичков) переведены в нормальное положение. Проходит, проверяет бытовку и отсек.

– За мной, рядовой.

– Слушаюсь, сэр!

Неспешный бег, прерываемый попавшимся навстречу лейтенантом. Сержант переходит на средненькое подобие строевого шага, выполняет воинское приветствие. В моем исполнении все гораздо четче. Еще десяток шагов, О'Нилл не выдерживает:

– Росс, ты что – служил?

– Сэр, прошу прощения, сэр! Мне запрещено разглашать эту информацию, сэр!

– Так-так... Упор леж – принять. Двадцать раз.

– Да, сэр!

Добираемся до столовой. Клумбы, чистота внутри и снаружи, вкусные ароматы. Просторный зал, столики на четверых, большие окна, сверкающая нержавейка. Помыв руки, заполняем подносы. Первое, второе, салат, чай с бисквитом, апельсин, салфетки. Размер порций впечатляет.

– На обед у тебя двадцать минут, рядовой. Запомни – каждый день в час двадцать для тебя обед, в шесть сорок ужин и в семь утра завтрак.

– Да, сэр, запомнил, сэр!

Сметаю содержимое тарелок. Наваристый суп, пюре с котлетой и подливкой, салат из огурцов-помидоров. Да, с таким питанием можно Родину защищать. Все сытное и полноценное, очень вкусно приготовлено. Укладываюсь в пятнадцать минут, добиваю десертный апельсин. В казарму возвращаемся нормальным шагом. Отдав распоряжения и оставив меня у стола дежурного, сержант убыл по делам. Понемногу появляются военнослужащие взвода, перекидываются с дежурным словами, посматривают на меня. Получивший указания капрал выдает из каптерки постельное белье, одеяло, полотенце, заполняет специальные пластиковые бирки для прачечной. Кстати, можно стирать и в бытовой комнате, но не бесплатно – стоит стандартная стиральная машина, как в прачечной самообслуживания. Застилаю, отбиваю койку согласно приведенному на плакате образцу, возвращаюсь к столу дежурного. Мелькнули знакомые лица солдат из группы захвата. Странно, но не узнали. Входят О'Нилл и Фрай.

– Смирно! Сэр капитан, во время моего...

– Построение.

– Слушаюсь, сэр! Взвод, строиться!

Меня придерживает за локоть сержант. Втроем стоим перед строем.

– Равняйсь! Смирно!

– Вольно.

– Вольно!

– С сегодняшнего дня в нашем взводе будет проходить службу рядовой Росс. Сержант О'Нилл?

– Да, сэр!

– Рядового на тесты.

– Слушаюсь, сэр! Рядовой Росс?

– Да, сэр!

– Направо. Шагом марш.

Мы с сержантом уходим, а взвод сейчас явно будут инструктировать насмерть по поводу одной нескромной персоны.

Тесты, тесты, тесты.

Поскольку я проскочил мимо рекрутской конторы, необходимые данные получают на месте. Полнейший медицинский осмотр (правильно оценив изрядные сине-желтые синяки на ребрах, сержант принял невозмутимый и непричастный вид), тесты интеллекта, выполнение физических нормативов, психологические тесты, снова нормативы. К ужину совершенно забордался, а О'Нилл получил пачку бумаги – дело на меня, любимого, причем содержимое стопы его, с одной стороны, порадовало (полностью готов к службе), а с другой – заинтриговало (слишком готов).

Вечером, кроме ужина, было одно светлое пятно – зашедший капитан ознакомился с результатами проверок и сбросил со своего элитного на мой кэш украденную Крайновски сумму. Все точно, до единицы.

Дальше пошла сплошная муштра. Первая неделя новичка – красная фаза. Перехожу под командование капралов, иногда рядовых, постоянно поднимаюсь по тревоге ночью, все время бегаю. Сколько отжался и качнул пресс, вспомнить невозможно, потому что занимался этим все время, а делом принципа каждого военнослужащего, ставшего временным командиром, было довести до предела физических сил. Контроль за действиями абсолютный и полнейший, прерывается максимум на час в сутки. Физподготовка, строевая, уставы. Во время окуривания слезоточивым газом заставляли снимать противогаз и произносить вслух звание, имя, фамилию и единый идентификационный номер. После третьей попытки отстали, оценив объем легких и умелое обращение с противогазом. Но газу слегка нюхнул. Кстати, так себе концентрация, наш безбашенный химик если уж дорывался, так лил, как из бочки.

Хорошо, если удавалось поспать часа четыре подряд, и не дай бог было задремать на занятиях. Но... С ходу возникло огромное «Но». В свое время ознакомившись с методиками подготовки новобранцев в вооруженных силах США, был готов к тому, что с первой секунды меня начнут ломать, уничтожать как личность, изготавливая совершенную нерассуждающую машину, заточенную только на исполнение любых приказов. Этого не было. Не было совсем. Сержант тренировал безжалостно, но и без садизма. Он и другие военнослужащие взвода показывали личным примером «как надо» и добивались того исполнения показанного, которое соответствовало армейским требованиям, а не личным желаниям и прихотям. Каждый инструктор был высококлассным специалистом в избранной для занятий сфере, сержант являлся образцом и универсалом во всем. Отдельные совпавшие с нашим миром детали требований к новобранцам только подчеркивали разницу в системе. Я искал аналогии в известных фактах нашего мира и находил подобное только в шефстве солдат Вермахта над новичками. Методика скрупулезного изучения и максимально рационального обучения новобранца также была построена с немецкой педантичностью. Поэтому никаких дрилл-сержантов, «охраны» кустов и мытья сортиров по ночам. Кстати, помещение взвода два раза в день буквально вылизывали гражданские уборщики. На долю дежурного оставалась лишь комната для хранения оружия. Объяснив и добившись правильного выполнения, меня иногда даже хвалили, не забывая, впрочем, дополнительно «нагрузить попутной тренировкой» и абсолютно лишая времени на безделье. Обилие инструкторов и их «скользящий график» полностью смазывали в сознании часы, минуты и время суток. Единственное, что соблюдалось свято, – прием пищи. Также всегда выкраивал время на приведение в порядок внешнего вида и трехминутного звонка моим девочкам. С одного телефона Елене, с другого – Марджи, через день – Кате. По мне очень скучали, быстро вываливали новости, просто радовали своими милыми, нежными голосами, отвлекая от непрерывного напряжения, помогая расслабиться. Два комплекта нательного белья и носков стремительно ветшали, я их стирал каждую ночь, возвращаясь под утро с очередной индивидуальной тревоги, иногда засыпая стоя у стиральной машины. Только в последний день первой недели О'Нилл сводил (бегом, только бегом) в армейский магазин. Взял по его указанию еще два комплекта нательного белья, пять пар носков, бритвенных и гигиенических принадлежностей.

Вторая неделя – предбоевая подготовка – белая фаза. Во взвод доставлено мое личное оружие, теперь постоянно отягощен штурмовой винтовкой (здорово похожа на FN-FAL). Сборка-разборка, чистка, строевые приемы с оружием, рукопашный бой с винтовкой, рукопашный бой с ножом, просто рукопашный бой. Невозмутимый скандинав Сведенборг, назначенный лично капитаном как самый осторожный, гонял меня по площадке и демонстрировал вполсилы (но очень больно) боевые приемы.

К слову о боях – единственная виденная за три недели драка между военнослужащими взвода более походила на спортивный поединок и протекала под присмотром сержанта. Меня не трогали, конечно, благодаря твердому инструктажу и предупреждению капитана

Фрая. За нарушение приказов командира здесь наказывали финансово, то есть очень доходчиво. Крайновски, кстати, попал на месячное денежное довольствие – пребывание в карцере не оплачивается. Были назначены и индивидуально ответственные за мою безопасность – эту четверку увидел сразу, как только появился первый желающий потренировать новичка в силу своего поганого характера. «Его пример – другим наука», тут классик моего мира был точен, как атомные часы, повтора объяснения не потребовалось, новые желающие не возникли. Но и сам не наггел, старался держать ровные отношения и соблюдать дистанцию.

Теорию по тактике и Уставы бегом сменяли любимая физическая подготовка и строевая, а падал и отжимался в промежутках уже как в балете – легко и непринужденно. К концу второй недели проведена текущая аттестация по предметам обучения. Недоверчиво вглядываясь в результаты, капитан не раз окидывал меня любопытным взглядом, но вопросов не задавал. Итогом стало разрешение не орать: «Да, сэр!» и «Слушаюсь, сэр!», а произносить нормальным голосом. Переход к третьей – синей фазе – увенчался тем, что дали поспать аж семь часов подряд.

Синяя фаза. На занятиях по огневой присутствует весь взвод. Получение штурмовой винтовки, две обоймы, подгонка РПС. Поскольку мы спецподразделение – получение пистолета (копия «Браунинг НР»), два магазина, кобура. Обтянутая маскировочной сеткой каска, легкий бронежилет, рюкзак с сухпаем и водой. Шестимильный кросс на стрельбище. Первое упражнение – стрельба лежа по поднимающимся на трех рубежах мишеням. Каждую винтовку отладил штатный оружейник, все пристреляны. Без проблем укладываю цели. Второе упражнение – штурм вражеского укрепления. Мишени выпадают из всех неприметных мест, но ни одна не избегает пули. На выходе из тактического лабиринта сдаю неизрасходованные патроны, сержант одобрительно кивает, а здоровяки моего третьего отделения довольно хлопают по плечу. Эти два норматива, оказывается, влияют на размер дополнительного вознаграждения всего отделения. Один заваливает стрельбу – страдают все. Продуманно. Штурмовая полоса. Нормально. Наконец-то обед. Уплетаю сухпай, как корова сено. Черт, ем много, но здорово похудел. Мышцы, правда, растут, хотя и болят от постоянных нагрузок. Целых полчаса блаженного отдыха. Новое упражнение – стрельба из пистолета по неподвижной мишени на количество очков. Знакомо, и дистанция привычная. Стойка не определена, но бойцы в основном стреляют, держа пистолет обеими руками. Нет, родная офицерская моего мира привычнее. Пистолет тяжелее «макарова», но в разы удобнее. Особенно нравится большой наклон рукоятки (не надо выводить прицельную линию) и то, что после выстрела он возвращается в исходное положение, а не задирается кверху. Мягкий спуск добавляет удовольствие. Шесть патронов размеренно покидают обойму.

– Росс, если ты попал хотя бы два раза, считай, что тебе невероятно повезло. Но если в мишени, рядовой, не окажется дырок, ты долго будешь вспоминать сегодняшнюю ночь.

– Да, сэр.

Сказал бы я тебе, где дырка, сержант. В армии – отверстие.

Идем к мишеням. Две десятки, восьмерка, три девятки. Сержант второй раз пересчитывает попадания. Что там считать? Подходят еще трое из той группы захвата, смотрят, молча переглядываются.

Снова тактический лабиринт, но уже с пистолетом. Мишень – пуля, результат неизменен. Ну, любил я в той жизни пострелять, что подделаешь? Даже входил в офицерскую сборную части. Не добив вторую обойму (враги кончились), выхожу. О’Нилл и троица уже получили результаты стрельб, со сложными чувствами глядят на ствол в моей руке. Разряжаюсь, сдаю патроны. Рядовой Милош не выдерживает:

– Послушай, Росс, а тогда, если бы у Крайновски оказались патроны?..

– Простите, сэр, но мне был отдан приказ, и я обязан был его выполнить, сэр.

– Мать! Твою мать! Увижу траханного Крайновски – набыю уроду морду!

– Остынь, Милош. Я уже это сделал. Франческо?

– Да, сержант?

– Прикинь – ты единственный, кто мог остаться в живых.

Здоровяки ржут, я улыбаюсь. Ага, сейчас, оставил бы я живых... Контрольный выстрел никто не отменял.

Метание гранат. Меня как новичка плотно опекают, но уверенно забрасываю наступательную и оборонительную в центр группы мишеней.

Стрельба из пулемета и снайперской винтовки, лицом в грязь не ударил.

Вообще стрелковая подготовка взвода на высоком уровне – отдельные средненькие результаты были только при стрельбе из пистолета.

Кросс назад, сдача оружия, ужин. После ужина опять ждет спортгородок.

Следующие дни посвящены всему, что связано с боевыми действиями против партизан, и городскому бою. Выполняю разведку, снимаю и ставлю мины, маскируюсь сам и ищу замаскировавшегося противника, ориентируюсь в лесном массиве (чистеньком и прозрачном, как парк отдыха), учусь пользоваться радиосредствами. Кстати, военные радиостанции не в лучшем состоянии – ВЧ-контуры явно расстроены, связь плохая и пропадает даже на близком расстоянии. Тактика движения штурмовых групп в городе, штурм одиночного здания, использование альпинистского снаряжения, неоднократное преодоление штурмовой полосы.

Вторник. Завтра последний день укороченного курса молодого бойца. Мой многократно пропитанный потом и стиранный камуфляж совсем выцвел и находится на последнем издыхании. Оказывается, это учтено. После обеда сержант ведет в вещевого склад и лично участвует в подборе двух комплектов обмундирования. Летний полевой камуфляж, как и тот, что получил в первый день, и более качественный повседневно-парадный. Новые, также повседневно-парадные берцы, ремень и кепи в комплекте. На рукаве камуфляжа шеврон – «колонийальные вооруженные силы». Невероятное дело – никто больше не «роняет», спокойно вымылся в душе и глажу обмундирование. Во взводе, кроме дежурного, человек десять – те, кто не живет в городе или не убыл туда развлечься. Вот один из них, устав от ти-ви, заглядывает ко мне и начинает излагать свою Великую Мечту о том, как, накопив за время службы капитал, вернется домой, приобретет квартиру, женится и будет жить-поживать. Слушаю с внимательным лицом, кивая и пропуская текст мимо ушей. Приготовив форму, вежливо отделившись от надоедливого собеседника, выхожу на улицу для обязательных звонков.

Маргарет. Строгая леди уточняет про здоровье, питание и настроение (Марджи, когда я тебя слышу, это уже праздник!), успокоенно вздыхает и коротко делится своими производственными успехами.

Елена. «Ах, Серж, дорогой, как без тебя скучно!» Излагает офисные новости, хвастается достижениями по работе, рассказывает о Кате: «Стала такой взрослой, такой самостоятельной... Боже мой, неужели у меня взрослая дочь, а я уже старая?» Утешаю.

Катя. Самостоятельная моя. Дите дитем. Ворох светско-концертных сплетен, несистематизированный отчет о записях и предстоящем концерте. Мои поучения о правильном питании, спорте и распорядке дня.

Все, полегчало. Еще пять минут подышать и в подразделение – скоро отбой.

Среда. После завтрака прибывший капитан Фрай выводит меня из строя и достаточно торжественно вручает шеврон принадлежности к военной контрразведке. Бодро благодарю, возвращаюсь в строй. Отныне жизнь переходит к строго плановому распорядку в соответствии с расписаниями занятий на стендах. Резко появилось обилие свободного времени, впрочем, ненадолго. Майор не забыл слова Маргарет и решил опробовать свалившегося на голову Черного Теха в деле. Прибывший лейтенант Паукер – командир взвода обеспе-

чения – приводит в свое хозяйство. Радиостанции, боевые электронные планшеты, навигаторы, видеокамеры и мониторы, специализированные вычислители, блоки от автомобилей, стенды, тренажеры и куча другой электронной военной аппаратуры, включая телевизоры, кэши, часы и прочее. Причину застоя в ремонте сразу определяю по расширенным зрачкам, запаху свежего косяка и знакам отличия мэтра-воентеха. Сынок штабной шишки в состоянии укуренного нестояния. Лейтенант кротко и скромно развел руками и испарился. Оставшийся за него тех-капрал показал комнату ремонта электроники и оборудование. К моему удивлению, было почти все, включая плоский цифровой монитор-осциллограф, генераторы сигналов и паяльную станцию. В шкафу перепутанной кучей лежат инструкции по ремонту и обслуживанию вместе с принципиальными схемами. Остальные шкафы забиты ЗИПами и упаковками радиодеталей. Вот как, оказывается, должен работать местный тех.

– Сэр, что надо отремонтировать в первую очередь?

– Рядовой, вы разбираетесь в системах видеонаблюдения?

Через час капрал получил полноценный и подтвержденный практическими примерами ответ. Срочно вызванный лейтенант убедился в полной исправности только что лежавшего мертвым грузом оборудования, оценил внешний вид новоявленного мастера (камуфлированная футболка, биноклярные очки на голове, дымящийся паяльник, рядом осциллограф рисует хитрые синусоиды), впечатлился и рванул к капитану Фраю – договариваться. Помоему, Фрай и сам не против скинуть крайне неудобного подчиненного под пригляд другого офицера в тихое и спокойное место. В итоге во взводе «Дельта» я только ночую и посещаю занятия по физической подготовке и стрельбе, самостоятельно убывая после завтрака в мастерские. Стоит ли говорить, что оставшаяся неделя казарменного положения проскочила пулей? Вот уже стою на КПП в ожидании утреннего субботнего автобуса в Сити. Чуть больше часа пути, десять минут пешком. Нажимаю кнопку звонка, хлопает дверь, слышу стук каблучков. Елена:

– Боже мой, Серж!

Она не может наглядеться, а я наконец осознал, что прожил целый месяц без этой потрясающе красивой женщины. Идем в дом, Елена не успокаивается:

– Как ты возмужал, Серж! У тебя стало такое суровое лицо, и эта форма... Ты настоящий офицер!

– Всего лишь рядовой военной контрразведки, Елена.

– Нет, ты так держишься, и у тебя такая осанка...

Лена проводит ладонью по моей груди. Вспышкой огня желания проявляется ее аура. Катя приедет только через несколько месяцев, поэтому от полыхающей лавы этого вулкана страстей никто не спасет. Последняя связная мысль была о том, что необходимо уложиться до приезда Маргарет. Кстати, уложиться – это самое точное слово...

Въезжает черный лимузин, я у открытых ворот демонстрирую безупречное выполнение воинского приветствия. Ральф открывает дверцу, выходит Марджи. Строго движется ко мне, останавливается, окидывает взглядом... и виснет на шее, сладко целуя. Эталон невозмутимости Ральф за ее спиной подмигивает и показывает оттопыренный большой палец. Оторвалась:

– Как ты возмужал, Серж!

– А ты стала еще красивее, Марджи.

– Я снова слышу моего льстеца и верю ему, как последняя дура.

– Ты очень умна, Марджи, а веришь потому, что это правда, идущая от самого сердца.

– Ральф, я жду тебя завтра.

– Слушаюсь, мисс Берг.

Телохранитель кивает, прощаясь, четко козыряю в ответ. Машина уезжает, закрываю ворота.

– Армия идет тебе на пользу, это удивительно. Твоя осанка...

Так, про осанку я уже слышал. Продолжение было сногшибательным в полном смысле слова. Нет, Маргарет контролирует себя, аура не видна.

– Серж, у тебя молодое лицо, но взгляд... Ты больше похож на офицера, чем твои начальники.

– У меня был достаточно трудный и насыщенный месяц, Марджи.

Заходим в дом, в коридоре встречает сияющая до неприличия и чуть смущенная Елена. А ведь Маргарет все предусмотрела и специально задержала свой приезд, зная, как встретит меня Лена. Эта женщина не устает поражать своей продуманностью и предусмотрительностью.

– Хелен, у тебя возмутительно счастливое лицо. Я даже не буду спрашивать, сбросил ли пар наш бравый военный.

– Ах, Маргарет...

– Что, Хелен?

– Он потрясающий. Им невозможно насладиться. А когда ты увидишь его мускулы, его великолепное тело...

У меня горят щеки и полыхают уши. Нет, я уже привык к свободе взглядов на секс в этом мире, но слушать о себе такие вещи...

– Ох, Хелен, мужчины – твоя слабость. Что ты предлагаешь – оставить его без ужина и приступить прямо сейчас?

Все, это надо прекращать:

– Прекрасные дамы, вы не могли бы обсуждать меня без моего личного присутствия?

– Боже мой, Хелен, я не верю своим глазам – наш стальной офицер смущен. Надо тебе, Серж, иногда говорить такие вещи хотя бы для того, чтобы посмотреть на это милое выражение лица. Ладно, Хелен, раз уж нам суждено делить одного мужчину, давай будем это делать скромно.

– Хорошо, Маргарет. Я только хотела еще сказать...

– Елена, пожалуйста, не при мне! Я тебя умоляю. И вообще хочется кушать, а ужин остывает.

Женщины заговорщицки переглядываются, улыбаются. Все, я пропал. Точно – эту тему они обсудили и разработали детальный план. Маргарет вполне на такое способна.

За ужином ловлю себя на том, что метаю содержимое тарелки с привычной скоростью, а Марджи с Леной на это жалостливо смотрят. Откладываю вилку:

– Дамы, видите ли, в армии солдат должен есть быстро, потому что у него очень много важных и неотложных дел.

– А что там еще надо делать быстро?

– В общем-то все, Марджи. Мыться в душе за восемь минут, бриться за три...

– Какой ужас!

– Нет, Елена, все имеет глубокий смысл. Уходя служить по контракту, солдат продает себя армии на весь срок, поэтому армия заинтересована в том, чтобы он как можно больше принадлежал только ей. Но не переживайте, теперь это ко мне не относится – я благополучно пережил первый месяц, а сейчас вообще работаю техом у лейтенанта Паукера.

После ужина располагаемся в креслах гостиной.

– Да, Серж, ты знаешь, что сериал «Безопасники» вчера закончился?

– Не слышал, Елена. Черного Теха поймали?

– Нет, Серж. Кинокомпания оставила задел на возможное продолжение. Рейтинг сериала сильно упал. Последние серии были такие тупые и неинтересные...

– Думаю, Елена, сценарист исчерпал себя. Каждый раз придумывать новое сложно.

– Но ты же придумывал. Милый Серж, я так скучала по твоим историям...

– Да, Серж, но тебе, наверное, было не до них?

– Отчего же, Марджи? Только в этот раз история будет не страшная, а фантастическая и немного печальная, о человеке, который пришел из будущего, чтобы спасти свое счастье в прошлом.

Пересказ фильма «Патруль времени» с Ван Даммом в главной роли. Женщины захвачены сюжетом, искренне сопереживают. Заключительная сцена – герой возвращается домой, его встречают жена и сын.

– Потрясающе. Серж, ты это так рассказывал, как будто видел собственными глазами!

Благоразумно молчу. Да, Лена, я это действительно видел собственными глазами.

– Я тоже полна впечатлений, Хелен. Сюжет, игра фантазии, твое умение рассказчика, Серж... Ты можешь стать писателем, даже знаменитым писателем. Когда отслужишь, мы займемся твоей судьбой. Вы, мужчины, никогда не цените свои таланты, поэтому знай – твои женщины помогут сделать тебе достойное будущее.

– Слушаю и повинуюсь, тигрица.

– Серж, а песни для Кэт? Боже мой, прости, у тебя же совсем не было времени!

Улыбаюсь, достаю из внутреннего кармана куртки листы бумаги, отдаю Елене:

– Пять песен для нашей звезды. Слова есть, а вот музыку надо наиграть.

– Займись, пожалуйста, завтра, Серж. Не все же время тратить на постель.

Согласно киваю и думаю: «Да, Марджи, ты, как всегда, права. Кстати, о постели. Мне кажется, что ролевая игра с контрразведчиком и допрашиваемой пособницей Реджистанса сегодня перед сном тебе исключительно понравится».

Хорошее заканчивается чрезвычайно быстро. Расцелованный напоследок прекрасными дамами, возвращаюсь на базу. Плохо только, что право на проживание в городе получу лишь по истечении года контракта.

* * *

– Рядовой Росс?

Незнакомый солдат стоит у рабочего стола. Значок в виде крестика на груди, несколько религиозных газет и Библия в руке. Помощник военного капеллана. А от меня что надо?

– Да. Слушаю вас, рядовой.

– Комарофф, можно просто Ком.

– Я слушаю, Ком.

– Росс, почему вы не посещаете церковь?

Оп-па! Вот это засада, точнее, пролет. Знаю, что англиканская церковь этого мира имеет сильные позиции, но в светскую жизнь особо не вмешивается. При проживании в пригороде религия и я как-то не соприкасались, поскольку телепроповеди не смотрел и в храмы Сити не ходил. В программе обучения местный вариант Библии не значился, поэтому полученную книжицу наскоро проглядел, постарался придать ей прочитанный вид и благополучно положил на тумбочку, не собираясь листать вновь. Что мне могла такого рассказать о Всевышнем местная религия, повязанная на законы общества потребления и видящая смысл жизни в накоплении богатства? «Бедный и нерадивый не войдет в Царствие Небесное». Ага, всенепременно. Прямые посмертные переводы из кэша на райскую жизнь, обслуживание круглосуточно. С честью, совестью и добротой очередь не занимать.

Так, а что отвечать сейчас? Откладываю дымящийся паяльник, снимаю бинокляры, серьезно и строго смотрю в лицо рядового:

– Ком, если вас интересует главный вопрос – знайте: я верю в Бога и Спасителя. Церковь посещаю в Сити, Евангелие читаю регулярно.

– Росс, но у нас есть своя военная церковь, возглавляемая сэром капелланом...

– Видите ли, Ком, у меня есть особые обстоятельства, заставляющие посещать именно храм в Сити, дабы не нарушать важные моральные устои и не вступать в противоречие с основополагающими принципами христианской религии.

Похоже, сработало. Рядовой завис, пытаюсь обработать загруженный массив. Бинокуляры на голову, беру паяльник:

– Рядовой, у меня очень много важной работы. Кстати, если святому отцу понадобится что-либо отремонтировать – обращайтесь. Будет выполнено качественно и без очереди.

– Спасибо, Росс. Но я хотел бы...

– Ком, я сказал то, что мог сказать. У меня есть командир – капитан Фрай. Полагаю, что любой вопрос сэр капеллан может решить с ним как офицер с офицером. А зачем нам, рядовым, лезть в дела офицеров? Верно?

– Да, конечно. До свидания, Росс, храни вас бог.

– До свидания, Ком. Не забывайте про ремонт.

Рядовой ушел, я напряг интеллект, прикидывая, чем это может грозить. Посещение церковной службы? Бойцы взвода, по-моему, на мероприятие ходят раз в неделю. Ничего, час выдержу, если что. Перекреститься? Справлюсь, главное, делать размеренно и на их манер, ни в коем случае не вlepить по православному канону. Исповедь? Стоп! Исповедь... Вот где засада. Самому капеллану напеть военных песен не проблема, но таинство исповеди у меня слишком глубоко ассоциируется с Всевышним. Пусть святоша действует в своих целях, пусть его единение с Богом при исповеди только в моей голове – врать не хочу и не буду. Морально легче сказать правду и затем пристрелить капеллана из табельного ствола, благо что получить его для чистки не проблема. Как вывернуться? Думай, голова, думай.

Вечером, против обыкновения, в подразделение заглянул капитан Фрай:

– Росс?

– Да, сэр?

– Сходите завтра в церковь на утреннюю службу.

– Слушаюсь, сэр. Разрешите задать вопрос, сэр капитан?

– Да, рядовой.

– Сэр, у меня есть определенные ограничения на таинство исповеди. Как мне решить этот вопрос с капелланом?

Что-то мне выражение твоего лица, капитан, не нравится. Уж не ты ли закинул мыслишку святому отцу о сложном подчиненном?

– Изложите их капеллану, Росс.

– Слушаюсь, сэр.

Кивнув, Фрай уходит. Точно, участвовал, гаденыш. Вот кого пристрелил бы не задумываясь.

Утро. Вместо ремонта автотренажера сижу на скамейке и с преданно-внимательным видом пропускаю мимо ушей тяготину на английском. Церковь чистенькая, аккуратная, неплохие витражи, качественно выполненные религиозные символы. Вот и завершение. Дружно встаем, готовлюсь к выходу...

– Рядовой, задержитесь, пожалуйста.

– Слушаюсь, сэр.

«А вас, Штирлиц, я попрошу остаться». Хреново.

Дождавшись, пока выйдет последний солдат, капеллан поворачивается. Высокий, тонкое породистое лицо, внимательные серые глаза. Очень внимательные.

– Росс, вы не хотите исповедаться?

– Сэр капеллан, мы можем поговорить там, где нам никто не мешает? Но не в исповедальне, сэр.

– Хорошо, Росс, идите за мной.

В церковном крыле небольшой служебный кабинет. Указав на стул, офицер занимает место в своем кресле.

– Сэр, в силу жестких правил я могу свершать таинство исповеди только с определенными священнослужителями.

– Росс, тайна исповеди священна, и любой капеллан может и обязан очистить душу каждого солдата.

– Сэр, прошу вас назвать контрольную фразу.

– Что?

– Сэр, если вы сотрудник КИБ, то назовите контрольную фразу. Если вы не являетесь сотрудником КИБ, то я не имею возможности открывать вам любые, касающиеся меня и моего дела данные, сэр. Прошу понять меня правильно, сэр. Полагаю, что командир базы сможет объяснить мое поведение.

Так, святоша в тупике. Что ему вообще надо? Кто организовал эту проверку?

– Росс, как тебе вообще служится?

– Хорошо, сэр, благодарю вас, сэр.

– Ты недавно закончил входной курс. Было трудно?

– Никак нет, сэр. Нагрузки распределялись равномерно и продуманно, сэр. Я успешно сдал все зачеты, сэр.

– Я знаю. Это хорошо, Росс. Кстати, совершенно ни к чему так напрягаться и обращаться ко мне «сэр». Мы просто разговариваем, ты можешь говорить мне «святой отец».

– Слушаюсь, святой отец.

– Росс, как ты видишь свою службу в дальнейшем?

Оп-па! Это отдает уже заданием майора.

– Добросовестно и честно отслужить весь срок заключенного контракта, святой отец.

– Это похвально, сын мой. Тебя никто не притесняет?

– Нет, святой отец. Мои командиры строгие, но справедливые начальники, которые дали мне знания и навыки, необходимые каждому настоящему мужчине.

– Тебе не сложно жить по военному распорядку, выполнять приказы?

– Нет, сэр. Вся моя жизнь строго регламентирована правилами и приказами, все, что я делаю, установлено ими.

– Но это трудно, сын мой?

– Святой отец, я другой жизни не знаю.

– А кто из командиров тебе нравится больше? Я слышал, что ты сейчас работаешь у лейтенанта Паукера?

– Святой отец, я горжусь, что числюсь в подразделении такого серьезного и высокопоставленного офицера, как капитан Фрай, а лейтенант Паукер для меня является образцом грамотного и профессионального технического специалиста. Я люблю ремонтировать сложную технику, сэр, мои начальники предоставили мне эту возможность.

– Где ты научился ремонтировать, Серж?

Грубовато. Держит за лоха? Или привык к откровенности на исповеди?

– Прошу прощения, сэр, я не могу ответить на этот вопрос.

– Хорошо, Росс, можешь не отвечать. Я догадываюсь, что это связано с твоей... твоими особенностями. Кстати, я благодарен тебе за предложение отремонтировать технику церкви. Комарофф может занести завтра видеопроигрыватель?

– Конечно, святой отец. Немедленно займусь.

– Тебе не мешают ремонтировать? Я слышал, что Петер не всегда хорошо себя чувствует...